

*Аламзар ТАГИЕВА
Доктор философии по пед. наукам, доцент
Гянджинское Отделение НАНА, Центр Низами Гянджеви
E-mail: alamzar@inbox.ru*

ВОПРОС О ЗНАЧИМОСТИ НИЗАМИ В ПОЭМЕ «ФАРХАД И ШИРИН» АЛИШЕРА НАВОИ

Ключевые слова: Тюркское мировосприятие, поэзия Востока, традиция «Хамсе»

Ещё Е.Э.Бертельс в фундаментальном исследовании «Навои и Джами» продемонстрировал значимость сравнительного изучения тем и сюжетов «Хамсе» Низами на Востоке. Оно возникло именно в связи с «Садд-и Искандари» родоначальника узбекской литературы Навои. Автор подробно рассматривает обработки этого сюжета у ряда поэтов: Фирдоуси, Низами, Амира Хосрова Дехлеви и Джами.

Позже в 1953 году Г.Алиев провёл сравнительное изучение поэмы Низами «Хосров и Ширин» и одноимённой поэмы Амира Хосрова Дехлеви. В статье не ставится подобная цель в связи с поэмой Навои «Фархад и Ширин», но сравнительный аспект применяется к вступительной части её. Цель наша заключается в следующем: определить в соответствии с эпохой жанр, характер, содержание и компоненты вступления; акцентировать моменты преемственности художественных традиций.

Так, у Низами «Сказ о дастане Хосров и Ширин» предвяряет 12-частная вступительная бяхс с говорящими заголовками: «Открой врата, Создатель», «Бог един», «Познание сотворения», «Минаджат», «Восхваление пророка», «Благославление правителя», «О причинах и истории написания стиха», «Хвала Атабеку Эльдегизу», «Благодарение», «Хвала Гызыл Арслану». Непосредственно к написанию текста относятся «Составление книги и несколько слов о любви», «Извинение за книгу». Как видим, представлена каноническая форма многовекторного вступления из «...haqqında, haqqında söz [5]; minacat [1], tərif [3], xitabə [1]».

В обрамляющем повествование бяхсе «Составление книги...» находим трепетное отношение к перу предшественников, к голосу внутреннего «я». В ряде статей и практических разработок совместно с доктором философии по искусствоведению С. Самедовым пишем: «Ильяс ибн Юсиф и есть внутреннее воплощение «я» поэта, которое уравнивает душевные поиски и сомнения его, мобилизует физическую и психологическую стимуляцию единого творческого процесса». [9, 23; 10, 5]

Вопрос о том, как выстроен именно увертюрный бяхс в поэме Алишира Навои, рассмотрим дальше. В азербайджанском литературоведении, как отмечает Р. Кафарлы, приемлимым является мнение, «что истоки тюркского мировосприятия у Насими, Физули, Навои, Хатаи ... от Низами. Исследования последних лет также подтверждают тезис о том, что именно Низами сформировал основы тюркской идеологии». [8, 9] Убедительны и такие историко-литературные параллели о том, что Хатаи удалось создать могущественную азербайджанскую империю посредством «дастанов, гошма ...», Низами силой художественного слова превратил тюркское национальную самобытность в господствующий образ восточно-исламской литературы. Развивая далее этот постулат, автор на примере Абульгасыма Фирдовси, своим «Шахнаме»

создавшим персидскую идеологию, справедливо считает Низами и его «Хамсе» платформой тюркской идеологии.

В сравнительном ракурсе дастаны о любви Низами и Навои («Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин», «Фархад и Ширин») «с точки зрения первичных структурных представлений свидетельствуют о тавтологическом в функционировании отдельных элементов мифической модели мироустройства» [5, 3; 3, 83].

Для более полного раскрытия «схемы и содержания слова» обратимся к началу дастанов. У Низами, в отличие от Навои нет, «Оды слову» как в «Сокровищнице тайн», «Лейли и Меджнун». В них автор первичность слова принимает в качестве основы вечности. Навои же твёрд в убеждении, «что слово-сокровище берёт начало от Низами, и писать следует, не повторяя его. Тогда в чём достоинство?» [5, 25].

Составляющие «Хамсе» Низами произведения открыли новую страницу в истории культуры тюркской поэзии. Воистину высокохудожественные поэмы и сегодня продолжают оказывать большое влияние на развитие литературы и искусства Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, явились источником вдохновения для плеяды многих классиков тюркской поэзии. Согласно литературной традиции Востока, подобно «Хамсе» Низами писались назире/подражания. Авторами их стали видные тюркские поэты Абдурахман Джамии, Алишир Навои, Хосров Дехлеви и другие.

Через 300 лет пришедший в литературный мир Востока Алишир Навои солидарен с салафом / предшественником в беспрекословной святости его величества слова. Хотя дитя своего времени Низами творил на фарси, эпико-лирические картины произведений пропитаны духом тюркского мироощущения. По этой причине писавший на джигатайском диалектике тюркского языка Навои в месневи «Фархад и Ширин» воздаёт должное салафу. Так, начиная бяхс с «Хвалы перу, память о Низами и Хосрове Дехлеви» поэт рисует широкую палитру творческого процесса.

Из справки об Амине Хосрове Дехлеви, поэте XV века, написавшем «Хамсе» из пяти поэм, следует: «...тем самым, во-первых, способствовал формированию данного жанра; во-вторых, разветвлению традиций поэтической школы мыслителя; в – третьих, формированию персоязычной литературы Индии» [1, 59]

Низам ад-Дин Алишир Навои великий узбекский поэт, который сыграл важную роль в расширении влияния традиций поэтической школы Низами в тюркоязычной литературе.

Исходя из подобной литературоведческой оценки халафов Низами, естественным является посвящение – ода Навои салафам. Так, в дастане поэт высказывает рассуждения о творчестве Низами и Хосрова Дехлеви. В относительно небольшом бяхсе автору удалось сакцентироваться на злободневных во все времена вопросах творчества: верность перу и положительным аспектам традиций; отрицание плагиата и ценности наследия салафа. Словом, Навои – чиновник и поэт проявил также ценные навыки литературного критика.

Он буквально по полочкам раскладывает составляющие литературного «делопроизводства». Главным орудием созидания выступает гялям /перо. Причём Навои мастерски обыгрывает это полисемичное слово в художественных оборотах. Одно из них - «перо птицы». Так, гялям в этом прочтении уподобляется парящей птице и Пегасу – Шебдизу; другой прообраз характеризуется словами *sürət* / скорость, *çarar* – гонец. Он мастерски соединяет эти два в чём-то схожих понятия, вырисовывая целостное восприятие:

Minmişdir üstünə şahənə barmaq,

(Оседлал перст Пегаса)

Quyruğunu edər çaranda ələm,

(Шлейфом - хвост хоругвеносца)

Ayağından etmiş başını qələm. [7, 15]

(Ножка - кончиком пера)

Строки, описывающие сказочное перерождение, переносятся в плоскость психологии созидания поэта, которое граничит с безбрежностью небес. Тут вырисовывается переход от механики письма, т.е. рутинности в конечный продукт сложного процесса. Автор рассыпается тонкими метафорами, например: «xoşavaz - напевный, rəgvaz – воодушевлённый, səvair – перлы, tilsim – очарование». Они не что иное, как намёк на божественность поэтического художественного слова. В этом месте воображение Навои точными мазками наносит двуликость слога:

Şəvədir dimdiyi, hər yerdə zahir,

(Клюв агатом светится повсюду)

Saçar o şəvədən daim səvahir.

(Рассыпаются перлы от агата)

Quşda ola bilməz o gözəl cisim;

(Птица не столь прекрасна опереньем)

Yaratmışdır tanrı onu bir tilsim. [7, 15]

(Одарил бог волшебством очарования)

По долгу службы Навои – прагматик пытается, словно расставив компоненты уравнения, вывести доминанту значимости Низами. И тезис сформировался:

Yüz – yüz mənə saçar xəznəsi birdən.

(Сотни смыслов от сокровища...)

Yalnız bu xəznədən almışdır kami,

(Из кладезя перлов наслаждался)

O Gəncədə yatan böyük Nizami. [7, 15]

(Почивший в Гяндже великий Низами)

Завершающая строчка категорично пересекает звучащие и до сих пор надуманные дискуссии по вопросу о ментальности неугасающего наследия Низами.

Сам Низами в дастане «Хосров и Ширин», описывая нелёгкий труд мастера пера, признаётся:

...Gecə gəl, gör necə qazıram mədən,

(Приходи в ночь, глянь копи прорубаю как)

Mədən uox, bəlkədə can qazıram mən. [7, 363]

(Не копи то, душу разверзаю я)

Отталкиваясь от понятия прииски \ mədən, Навои выражает солидарность с посылом предшественника, указывая на неразрывность звучащего слова, органов речи (ağız, iki dodağı) с потаённым миром человеческой души :

Ağız qarıları səs eyləmədən,

(Врата бесшумно те)

Könül xəznəsini eylədi mədən. [7, 15]

(Копи души сделали трудом)

То есть, душа в его толковании, поистине кладезь затаённых мыслей, чувств, эмоций, намерений и поступков. Автор открыто нарекает Низами за старания в копиях по поиску философского камня «hikmət məmari, söz yaradani / зодчий мысли, творец слова»... Точнее и не сказать, ибо вроде изящное слово легко слетает с губ – и уже не твоё, вольной птицей устремляется вдаль.

Говоря о почитаемом кумире восточной поэзии, Алишер Навои подчёркнуто внимателен в выборе слов, сравнений, умозаключений. Гневом и осуждением сквозят строки, включающие резкие слова и обороты мысли, так:

Kimin oğurluğu edilərsə faş,
(Воровство чьё огласят вокруг)
Fələklərdən yağar başına min daş. [7, 16]
(Камнепад судьбы обрушится тогда)

Проблема плагиата во все времена была бичом паритета в искусстве. Подобное занятие, по мнению Навои, постыдное и неблагоприятное, поэтому к добру и почёту не приводит. Здесь уместны такие лексические комбинации, которые способствуют изменению оценочного окраса нейтральных слов «daş – gövhər – xara». При внимательном прочтении 1-е и 3-е слово объединены значением «позор, конфуз» и в этой интерпретации антонимичны 2-му слову. Продолжая мысль о значимости наследия поэта, Навои с большим мастерством продолжает приём лексического противопоставления понятий именно в этом ключе, например: sahan – asiman – dərya соответственно вселенная – мир – океан и антонимы: torraq – ауақ. То есть, вор не только крадёт материальное, хуже воровство интеллектуального наследия.

В то же время, как следует из развивающейся авторской мысли, и созданный Низами лирический Диван, и «Хамсе» отнюдь не догматические образцы, что «рассыпаны перлами и нескончаемы». Так, сам Алишер Навои по образу и подобию предшественника создал художественные шедевры: в четырёх Диванах собрана лирика на узбекском; пятый сборник «Диван – и Фани» включает лирику на персидском; множество прозаических произведений, художественных и научных. Венцом литературного творчества считается пятеричный цикл Алишера Навои.

Верным последователем поэтической школы Низами выступил и сын индийского народа Амир Хосров Дехлеви, что передаётся следующим художественным соответствием: первый «источал перлы» - второй «источал сладкозвучие»...

Характеристика Дехлеви – поэта сконцентрирована многозначьем слов и метафор, например: tutidən dili şirindir, bülbüldən eşqi dərindir / слаще амбры речь, соловья преданнее; или ona bülbül demə, qəqnusdur ol zar /не соловей он – зови гагнус (певчая зелёных куш).

Масштабность художественной особенности Хосрова из Индии автор умудряется воплотить в строках о том, что скорбь от неразделённых чувств льётся в трелях соловья и стенаниях гагнуса. Глубина страданий пронзает даже братьев меньших: baliqdan ауа tək yandırıp уахаг \ пронзительна она от рыбы до луны. Как видим, применено нечасто употребляемое противопоставление, где водная стихия олицетворена в одном из её обитателей, рыбине; антонимом выступает небесное светило луна. Что ж их сближает? В чём их похожесть? Оба обитатели вселенной, но разных стихий, одинаково мощных и необъятны подобно любви Хосрова и Ширин.

Примечательное, что поэт нарекает Дехлеви именем пророка Хызра, а это совпадает со строками из поэмы «Семь красавиц» Низами о божественном начале письма, поэтов, о святости их труда:

Gedər – gəlməz səfərə atını çapdı Xızır,
(Поскакал Хызыр в дали невозвратные)
Ətəyini isladıb, çeşməni tapdı Xızır.[39]
(Окунувшись в воды бурные, нашёл источник Хызыр)

Мерилом всего написанного Низами Гянджеви и Дехлеви считает их совершенство, достоинство и значимость: gövhər уох, mədəndir o fəzlə, elmə” /то не перлы, для науки прииски они. То есть, пусть и художественным словом,

формирующим вкус и эстетику общества, в «Хамсе» в зачатке прослеживаются научные познание.

Завершающий поэтическую оду Навои вопрос о соперничестве с пером Низами является апофеозом философского повествования. Тут уже явно преимущество бестиария со львами, тиграми, слонами и противостоящим шакалам. Видно, автор считает попытку присвоения славы плагиатщиками тщетной, ибо

Yığlsa bir yerə çaqqalın yüzü,
(Сотня шакалей своры вся)
Türürsəyə layiq onların üzü. [7, 17]
(Оплёвана будет вмиг)

В этом месте не лишне обратиться к вопросу о роли бестиария как приёма символики и орнаментальности в поэзии Востока того периода. Как поставлена и отображена она в творчестве Низами. В поэме «Лейли и Меджнун» читаем:

Dinliyini itirərək, öz heyvanat çevrəsində
(Меж зверей, друзей своих беспокойный)
Çətinliklə nəfəs alırdı və inləyirdi. [2, 122]
(Дыша с трудом, в страданиях стонет он)

Согласно со спецификой легенды, иносказание, аллегория, метафоричность по - суфийски платонической любви устремлена к богу. По мнению литературоведов Махова А., Довгий Щ, « бестиарий – основная часть средневековой семиотики, «знак», повествующий о понятии пространства и животного мира (6); составная часть поэтики того или иного автора». [6, 45]

Перечисленный поэтический мотив и характерные качества имеют место и в анализируемом тексте. Так, включённые в рамки восхваления – оды представители бестиария «от комара до слона», являются художественным приёмом. Он буквально дешифрует понятие человек в социуме. Изобразительные возможности слова и приплюсованные к ним яркие по биологическим свойствам животные, дополняя друг друга, подводят к сути перечисленных в главе вопросов.

Закрадывается предположение, что и Низами, и Амир Хосров, и Навои сознательно используют художественные возможности эзопова языка с целью не только красочности изображения коллизий, но и воплощения отголосков социальных реалий. Анализируя подобные отрывки «Хамсе» перечисленных авторов, изобилующие анималистическими мотивами, формируется догадка – не зачатки ли это басни? Правда, этот бестиарий бессловесен – вместо них говорит автор.

Bu meydanda sanma asandır durmaq,
(Легко ль устоять на поле этом)
Nizamilə rəncə - rəncəyə vurmaq.
(Пятернёй к пятерне с Низами тягаться)
Nizamiyə rəncə uzatsa hər kəs,
(Кто протянет пятерню к Низами свою)
Qırlar rəncəsi, murada yetməz. [7, 17]
(Лишится пятерни, не достигнет желаний)

Подтекст данного отрывка иллюстрирует эволюционное наполнение понятия «перо», приравниваемое к мощной пятерне. В образе «царя зверей», автор указывает на поэтическую масштабность, беспрекословную ценность наследия предшественников. Тезис размышлений Навои зиждется на убеждении, что лучше не тягаться, тем более не бороться с их «перлотворчеством» (А.Т.), а учиться, совершенствоваться лёгкое на неопытный глаз перо до написания шедевров.

Дальше ещё более статусное сравнение не только самих поэтов, но и пера их, например:

Nizami bir fildir yox bərabəri...,
(Низами, как слон могучий)
Fil olmaq gərəkdir, şübhə yox buna,
(Без обиняков, быть надобно слоню)
Fil salar xortumu fil xortumuna. [7, 17]
(Бивнями бьётся слон со слоню)

Считаем примитивным восприятие сравнения с гигантским представителем природной среды лишь с личностями поэтов, так как «бивень» символизирует отточенность пера, мастерства.

Далее с присущей тактичностью автор, проводя параллель, пишет:

Ulu filə olub müqabil,
(Соперник он древнему слону)
Kiçik də olsa o, fil adlanır, fil. [7, 17]...
(Хоть и мал он, зовётся всё ж слоню)

Нацеленность Алишера Навои в этом ракурсе больше не на то, чтоб его воспринимали наравне со столпами восточной поэзии (хотя так и есть), как молит о таком же всевидящем оке и душе:

Nəvaiyə dəxi şövkət əta qıl.
(Дай Навои величия и блеска)
İki fildən ona qüvvət əta qıl,
(Дай силу ему двух слоню)
İki fildən onda məharət olsun... [7, 18]
(Дай искусность двух слоню)

Перечисляя достоинства поэтической индивидуальности предшественников, мечтает о приобретении «cəsarət/ дерзновения». Главное, осознаёт Навои, взять в руки «sözün məşəsinə / факел слова» для овладения мастерством письма. Здесь оригинальная параллель в словах “cam – sərxoş olmaq rəşəsinə / пиала, профессия грёз”, т.е. фактически истолковывает суть поэзии. По Навои, это мир вдохновения от божественного напитка; это чувства, помноженные на отточенное орудие прииска по добыче не золота, а большего клада.

Резюмируем следующее: вступительная часть поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин» художественно правдиво и аргументированно подтверждает устоявшуюся мысль о действенном, длительном влиянии на литературу Востока эстетических постулатов поэтической школы Низами Гянджеви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Г. Темы и сюжеты Низами в литературе народов Востока. М., 1985.
2. Байрамова А. Поэмы Низами Гянджеви в контексте взаимоотражения искусств. Баку, 2010.
3. Гафарлы Р. Единство пространства, времени и количества в поэзии Низами. Баку, 2021.
4. Довгий Щ. Бестиарий в литературе и литература как бестиарий // Матер. конф. «Поэтический фактор в культуре», М., 2013.
5. Навои А. «Фархад и Ширин». Баку, 1968.
6. Махов А. Средневековый демонологический бестиарий (1-я лекция). [http:// tvkultura.ru/20898/](http://tvkultura.ru/20898/)
7. Низами Гянджеви. «Хосров и Ширин». Баку, 1983.

8. Низами Гянджеви. «Лейли и Меджнун». Баку, 1983.
9. Тагиева А., Самедов С. «Хамсе» Низами Гянджеви. Атлас. Гянджа, 2024.
10. Тагиева А. Низами на все времена. Гянджа, 2022.

Aləmzər TAĞIYEVA
Pedaqogika üzrə fəlsəfə doktoru, dosent

**ƏLİŞİR NƏVAINİN “FƏRHAD VƏ ŞİRİN” POEMASINDA
NİZAMİ DÜHASI
XÜLASƏ**

Açar sözlər: Türk dünyagörüşü, Şərq poeziyası, “Xəmsə” ənənəsi

A. Tağıyevanın “Əlişir Nəvainin “Fərhad və Şirin” poemasında Nizami dühası” adlı məqalədə Şərq ədəbiyyatında aktuallığını saxlayan sələf – xələf sualına işarə edilir. Nizami Gəncəvinin poeziya məktəbinin davamçısı olan Nəvainin “Fərhad və Şirin” əsərinin nümunəsində şəxəli təhlil aparmış müəllif bəzi qənaətlərə gəlir.

Sənətdə xələf saydığı azərbaycanlı Nizami və hindli Əmir Xosrov Dəhləvinin bədii irsini mahircəsinə qiymətləndirməsi Nəvainin tək şair olduğundan xəbər vermir. Diqqəti çəkən “Fərhad və Şirin” də söz sənəti olan poeziyanın atributlarını dəqiq təhlilini qeyri – adi şəkildə sərgiləməsidir.

Bir halda ki, bədii sözün oxşayışında metafora, epitet, müqaisə və sinonimik paralellər görürük, iki mütəfəkkirin təsviri daha geniş və orijinal səpkidə nəql edilir. Orta əsr ədəbiyyatının bestiyari üslubunun tam cəlb edilməsini uğurlu saymaq mümkündür.

Məqalə müəllifinin poema bəhslərinin filoloji tərcümələri Əlişir Nəvainin “Fərhad və Şirin” nin “Xəmsə” adət - ənənələrinə həm sadıqlığını, həm də zamanın ədəbi ab – havasına cavab verməyini vurğulayır.

Aləmzər TAGIEVA
Doctor of Philosophy in Pedagogy, Associate Professor

**THE GENIUS OF NİZAMİ İN ALİŞER NAVOI’S POEM “FARHAD AND SHİRİN”
SUMMARY**

Key words: Turkic worldview, Eastern poetry, Khamsa tradition

A. Taghiyeva's article "The genius of Nizami in Alisher Navoi's poem "Farhad and Shirin" refers to the question of predecessor - successor, which remains relevant in Eastern literature. The author, who conducted a comprehensive analysis on the example of Navai's work "Farhad and Shirin", a follower of Nizami Ganjavi's poetry school, comes to some conclusions.

The skillful assessment of the artistic heritage of the Azerbaijani Nizami and the Indian Amir Khosrov Dahlavi, whom he considers his successors in art, does not indicate that Navai is the only poet. What is noteworthy is that in "Farhad and Shirin" he displays an unusual and precise analysis of the attributes of poetry, which is the art of words.

While we see metaphors, epithets, comparisons and synonymous parallels in the likeness of the artistic word, the description of the two thinkers is conveyed in a broader and

more original way. It is possible to consider the full involvement of the bestiary style of medieval literature as successful.

The author's philological translations of the poem's themes emphasize both the loyalty of Alisher Navoi's "Farhad and Shirin" to the "Khamsa" traditions and its response to the literary climate of the time.

Daxil oldu: 09.12.2024-cü il